

TS

5275

09

R 17.432

2275

ЧТО ТАКОЕ НАЦІЯ?

Рѣчь, произнесенная Эрнестомъ Рена-
номъ въ большомъ амфитеатрѣ Сорбонны,
11-го марта 1882 года.

R 17.432
1

Переводъ А. Стадлина.

Изданіе редакціи „Кавказа“.

ТИФЛИСЪ.

Тип. Главн. Управл. Главннач. гражданскою
частію на Кавказѣ.

1882.

Нацнакальскі фонд

Доз. ценз. Тифлисъ, 3 Апрелья 1882 г.

TS 5275
09

Переп. изъ №№ 86 и 87 газ. „Кавказъ“.

ЧТО ТАКОЕ НАЦІЯ?

Рѣчь, произнесенная Эрнестомъ Ренаномъ въ большомъ амфитеатрѣ Сорбонны, 11-го марта 1882 года *).

Я намѣренъ проанализировать вмѣстѣ съ вами понятіе, повидимому, вполне ясное, но подвергающееся, между-тѣмъ, самымъ серьезнымъ недоразумѣніямъ. Формы человѣческаго общества крайне разнообразны. Обширныя аггломерациі людей, на подобіе Китая, Египта, древней Вавилоніи, — племя, на подобіе іудеевъ, аравитянъ — городъ, на подобіе Аѳинъ и Спарты, — соединенія разнородныхъ странъ, въ родѣ имперій ахеменидской, римской, карловингской, — общины безъ родины, поддерживаемыя религіозною связью, какъ, напр., евреи, парсы, — націи какъ Франція, Англія и большая часть

*) Этотъ замѣчательный историко-философскій очеркъ переведенъ цѣликомъ, безъ пропусковъ, изъ „Journal des Débats“ (12-го и 14-го марта). А. С.

современныхъ европейскихъ автономій, — конфедераціи (союзы) на подобіе Швейцаріи, Соединенныхъ Штатовъ Америки, — родства, устанавливаемая расою или, вѣрнѣе, языкомъ, какъ у германцевъ и у славянъ — вотъ различные способы группировки, существующіе понынѣ или прежде существовавшіе, смѣшеніе которыхъ было-бы сопряжено съ весьма серьезными неудобствами. Во время французской революціи существовало мнѣніе, будто учрежденія независимыхъ городовъ въ родѣ Спарты или Аѳинъ примѣнимы и къ 30-ти или 40-ка-милліоннымъ націямъ. Мы же нерѣдко впадаемъ въ еще болѣе крупное заблужденіе, смѣшивая расу съ націею и приписывая этнографическимъ или, вѣрнѣе, лингвистическимъ группамъ самобытность аналогичную съ самобытностью народовъ реально существующихъ. Постараемся-же разъяснить съ точностью эти трудные вопросы, въ которыхъ малѣйшая сбивчивость относительно смысла словъ, допущенная въ основѣ разсужденія, легко можетъ въ заключеніи привести къ самымъ присворбнымъ заблужденіямъ. Зада-

ча наша щекотлива; это почти что вивисекція; намъ придется обращаться съ живыми такъ, какъ обыкновенно обращаются съ мертвыми. Но мы внесемъ въ наше изслѣдованіе безусловное хладнокровіе и безпристрастіе.

I.

Съ конца Римской имперіи или, вѣрнѣе, послѣ распадена имперіи Карла Великаго, Западная Европа представляется намъ раздѣленною на націи, изъ которыхъ нѣкоторыя, въ извѣстныя эпохи, пытались установить свое владычество надъ другими, что, однако, имъ не удалось сдѣлать прочнымъ образомъ. То, чего не могли совершить Карль V, Людовикъ XIV и Наполеонъ I, никто, вѣроятно, не совершитъ и въ будущемъ. Основаніе новой Римской имперіи или новой имперіи Карла Великаго стало невозможностью. Разобщенность Европы такъ велика, что всякая попытка установленія всеобщаго господства почти немедленно вызоветъ коалицію, которая заставитъ честолюбивую націю возвратиться въ свои естественные

предѣлы. Нѣкоторое равновѣсіе уе-
тановилось на долго. Черезъ сотни
лѣтъ, и несмотря ни на какія пре-
вратности, Франція, Германія, Ан-
глія, Россія все-же останутся истори-
ческими индивидуальностями, глав-
ными фигурами на шахматной доскѣ,
клѣтки которой то и дѣло мѣняютъ
взаимное расположеніе, но никогда
не могутъ слиться вполнѣ.

Націи, разсматриваемыя съ этой
точки зрѣнія, представляютъ нѣчто
относительно новое въ исторіи. Древ-
ній міръ ихъ не зналъ: Египетъ,
Китай, Халдею ни въ какомъ смыс-
лѣ нельзя назвать націями. То бы-
ли стада, управляемыя сыномъ солн-
ца или сыномъ неба. Не было еги-
петскихъ гражданъ, точно такъ-же,
какъ нѣтъ гражданъ китайскихъ.
Классическая древность имѣла рес-
публики и олигархіи, союзы отдѣль-
ныхъ республикъ и имперіи; но ей
врядъ-ли была извѣстна «нація» въ
томъ смыслѣ, въ какомъ мы ее по-
нимаемъ. Аѳины, Спарта, Сидонъ,
Тиръ—небольшіе центры патріотизма,
достойнаго удивленія; но это лишь
города съ относительно ограниченной
территоріею. Галлія, Испанія, Ита-

лія, до присоединенія ихъ къ Римской имперіи, представляли собою смѣсь разныхъ племенъ, часто связанныхъ между собою союзомъ, но безъ центральныхъ учрежденій, безъ династій. Названіе «отечество» точно также не примѣнимо къ имперіямъ Ассирійской, Персидской и къ монархіи Александра Македонскаго. Никогда не было ассирійскаго патріота, а Персидская монархія была лишь обширной феодальной системой. Ни одна нація не связываетъ свое начало съ колоссальнымъ приключеніемъ Александра, столь богатымъ послѣдствіями для общей исторіи цивилизаціи.

Римская имперія оказалась гораздо ближе къ типу «отечества». За громадное благодѣяніе прекращенія войнъ римское господство, столь суровое на первыхъ порахъ, очень скоро снискало себѣ любовь народовъ. Имперія была громадная ассоціація, синонимъ порядка, мира и цивилизаціи. Въ послѣднія времена имперіи у всѣхъ просвѣщенныхъ людей существовало истинное, непритворное чувство «римскаго мира» (рах Романа), въ противоположность угрожав-

шему хаосу варварства. Но имперія, въ двѣнадцать разъ обширнѣе нынѣшней Франціи, не могла составлять государство въ новѣйшемъ смыслѣ слова. Разрывъ между Востокомъ и Западомъ былъ неизбѣженъ. Попытки создать, въ 3-мъ вѣкѣ, Галльскую имперію не увѣнчались успѣхомъ. Начало, послужившее впоследствии основаніемъ національностей, было внесено въ міръ германскимъ нашествіемъ.

Дѣйствительно, что дѣлали германскіе народы, начиная съ великихъ вторженій V-го вѣка и до послѣднихъ завоеваній норманновъ въ 10-мъ столѣтіи? Въ сущности они мало видоизмѣнили покоренныя расы; но они подчинили своимъ династіямъ и военной аристократіи болѣе или менѣе обширныя области прежней Западной Имперіи, которыя и получили названіе отъ побѣдителей. Такъ возникли Франція, Бургундія, Ломбардія и, впоследствии, Нормандія. Быстрое преобладаніе имперіи франковъ возстановило на короткое время единство Запада; но около половины IX-го вѣка эта имперія распадается безвозвратно; Вердѣнскій трак-

татъ устанавливаетъ неизмѣнныя въ принципѣ разграниченія, и съ этого момента Франція, Германія, Англія, Италія, Испанія направляются, часто окольными путями и сквозь тысячи превратностей, къ своей полной національной самобытности, въ томъ видѣ, въ какомъ она нынѣ проявляется.

Въ чемъ-же, въ самомъ дѣлѣ, заключается характеристическая черта этихъ различныхъ государствъ? Въ сліяніи народонаселеній, входящихъ въ ихъ составъ. Въ только-что названныхъ нами странахъ ничего нѣтъ аналогичнаго тому, что вы видите въ Турціи, гдѣ турокъ, славянинъ, грекъ, армянинъ, арабъ, сиріянинъ, курдъ стоятъ столь-же особнякомъ нынѣ, какъ и въ день завоеванія. Два существенныхъ условія способствовали такому результату. Во-первыхъ, тотъ фактъ, что германскіе народы принимали христіанство, какъ только они находились въ нѣсколько продолжительномъ соприкосновеніи съ греческимъ и латинскимъ міромъ. Когда побѣдитель и побѣжденный исповѣдываютъ одну и ту-же религію, или, вѣрнѣе, когда

побѣдитель принимаетъ религію побѣжденнаго, турецкая система, т.-е. безусловное различіе людей по религіи, не можетъ болѣе имѣть мѣста. Второе условіе заключалось, со стороны побѣдителей, въ забвеніи ихъ собственнаго языка. Внуки Хлодвига, Алариха, Гондебалда, Албуина, Роллона говорили уже на романскомъ нарѣчіи. Самый этотъ фактъ явился слѣдствіемъ другого немаловажнаго обстоятельства. Дѣло въ томъ, что франки, бургундцы, лонгобарды, норманны имѣли съ собою очень немногую женщинъ своей расы. Въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній вожди, правда, вступали въ бракъ исключительно съ женщинами германскаго происхожденія; но наложницы, кормилицы ихъ дѣтей были латинскаго происхожденія; громадное большинство воиновъ ихъ племени поженилось на дѣвушкахъ латинской расы, вслѣдствіе чего *lingua francica*, *lingua gothica* (франкскій и готскій языки) просуществовали не долго послѣ того, какъ франки и готы поселились въ романскихъ земляхъ. Не то случилось въ Англіи: при англосаксонскомъ нашествіи, безъ сомнѣ-

нія, находилось много женщинъ; британское населеніе бѣжало, да, впрочемъ, латинскій языкъ тогда уже не былъ, а можетъ быть, никогда не бывалъ господствующимъ въ Британіи. Если-бы, въ V-мъ столѣтіи, кельтскій языкъ былъ общеупотребительнымъ въ Галліи, то Хлодвигъ и его народъ не промѣняли-бы своего языка на кельтскій.

Отсюда вытекаетъ тотъ капитальный фактъ, что, несмотря на крайнюю необузданность нравовъ германскихъ завоевателей, та форма, которую они навязали покореннымъ народамъ, съ теченіемъ вѣковъ, стала формою самой націи. Слово «Франція» сдѣлалось совершенно законнымъ образомъ названіемъ страны, въ которую вошло лишь чуть замѣтное меньшинство франковъ. Въ 10-мъ столѣтіи, судя по первымъ *Chansons de geste* *), служащимъ столь совершеннымъ зеркаломъ духа времени, всѣ жители Франціи были «французы». Мысль о различіи расъ среди народонаселенія Франціи, столь явно вы-

*) *Chanson de geste*—названіе эпическихъ рассказовъ французскихъ *trouvères*, т. е. средневѣковыхъ поэтовъ-рассказчиковъ.

раженная въ хроникѣ Григорія Турскаго *), не встрѣчается хотя-бы въ видѣ намека ни у одного изъ французскихъ писателей или поэтовъ, жившихъ послѣ царствованія Гуго Капета. Различіе между дворяниномъ и простолюдиномъ (noble et vilain) выступаетъ какъ нельзя болѣе рѣзко, но отнюдь не относится до расы того или другого; это унаслѣдованное различіе въ мужествѣ, въ привычкахъ и въ воспитаніи. Мысль, что все это—плоды завоеванія никому въ голову не приходитъ. Ложная теорія, будто дворянство обязано своимъ происхожденіемъ привилегіи, пожалованной королемъ за великія услуги, оказанныя націи, приобрѣла силу догмата еще съ XIII столѣтія. Тоже самое случилось вслѣдъ за всѣми почти норманнскими завоеваніями. Послѣ одного или двухъ поколѣній норманны-завоеватели не отличались болѣе отъ остального народонаселенія; тѣмъ не менѣе, ихъ вліяніе бы-

*) (St. Grégoire de Tours) св. Григорій, епископъ Турскій (549—593), авторъ „Церковной исторіи франковъ“, лучшей лѣтописецъ 6 вѣка, оставившій весьма цѣнныя данныя о первыхъ временахъ франкскаго владычества въ Галліи. *Прим. прев.*

до глубокое: они надѣлили покоренную страну дворянствомъ, военными привычками, патриотизмомъ, прежде не существовавшими.

Забвеніе, скажу даже историческое заблужденіе, составляютъ существенный факторъ въ процессѣ созиданія націи, такъ-что развитіе исторической науки нерѣдко представляетъ опасность для національности. Дѣйствительно, точныя историческія изслѣдованія вновь выставляютъ на видъ факты насилія, происшедшіе при возникновеніи всѣхъ политическихъ образованій, даже тѣхъ, послѣдствія которыхъ оказались наиболѣе благотворными. Единство всегда создается насильственнымъ образомъ; единеніе Сѣверной Франціи съ Южной Франціею было результатомъ истребленія и террора, продолжавшагося около столѣтія. Король Франціи *), представляющій, если смѣю такъ выразиться, идеальный типъ вѣкового кристаллизатора, король Франціи, создавшій самое совершенное національное единство,

*) Здѣсь авторъ имѣетъ въ виду не того или другого короля въ отдѣльности, а цѣлую династію.

какое только существуетъ, король Франціи, изучаемый слишкомъ близко, утратилъ свое обаяніе; нація, которую онъ создалъ, проклинала его, и нынѣ одни только истинно просвѣщенные умы знаютъ, что стоилъ король и что онъ совершилъ.

Эти великіе законы исторіи Западной Европы становятся, такъ-сказать, осязательными посредствомъ контраста. Предпріятіе, столь блистательно доведенное до конца французскими королями, многимъ народамъ не удалось. Подъ скипетромъ св. Стефана *) мадьяры и славяне остались столь-же разъединенными, какъ и восемьсотъ лѣтъ тому назадъ. Мало того, что династія Габсбурговъ не съумѣла слить разнородные элементы своихъ владѣній: она даже поддерживала между ними рознь и часто даже открытъ антагонизмъ. Въ Богеміи чешскій и нѣмецкій элементы занимаютъ то-же взаимное положеніе, какъ вода и масло въ стаканѣ. Турецкая политика раздѣленія народностей по религіи имѣла еще гораздо болѣе серьезныя послѣдствія: она была причиной раззоренія Восто-

*) Венгерское королевство.

ка. Возьмите какой-нибудь городъ, въ родѣ Салоникъ или Смирны: вы тамъ найдете пять или шесть отдѣльныхъ общинъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои собственныя преданія и воспоминанія, и ничего нѣтъ между ними общаго. А вѣдь самая сущность націи заключается именно въ томъ, чтобы всѣ граждане имѣли много общаго между собою, а также, чтобы всѣ успѣли многое забыть. Ни одинъ французскій гражданинъ не знаетъ, бургундецъ-ли онъ, аланъ, таифаль или вестготъ; всякій французскій гражданинъ успѣлъ забыть о Варооломеевской ночи, объ избіеніи альбигойцевъ въ XIII-мъ столѣтіи. Нѣтъ во Франціи и десяти семействъ, которыя могли-бы представить доказательство франкскаго происхожденія; ктому-же подобное доказательство было-бы существенно недостаточнымъ, вслѣдствіе тысячи неизвѣстныхъ скрещиваній, могущихъ опрокинуть всѣ родословныя системы.

Такимъ образомъ, нація, въ современномъ смыслѣ, является историческимъ результатомъ цѣлаго ряда фактовъ, сходящихся въ одномъ и томъ-же центрѣ. Иногда единство

осуществлялось черезъ династію, какъ во Франціи, иногда непосредственно народной волею, какъ въ Голландіи, въ Швейцаріи, въ Бельгіи, иногда благодаря какому-то общему духу, торжествующему, хотя нѣсколько поздно, надъ причудливыми созданіями феодализма, какъ это случилось въ Итали и въ Германіи. Но всегда эти процессы единенія были плодомъ глубокихъ причинъ. Принципы, въ этомъ случаѣ, иногда прокладываютъ себѣ дорогу самымъ страннымъ и неожиданнымъ способомъ. Такъ, мы были свидѣтелями единенія Италиі благодаря ея пораженіямъ, и распаденія Турціи—вслѣдствіе ея-же побѣдъ. Каждое поражение укрѣпляло Италію; каждая побѣда губила Турцію; это оттого что Италія—нація, а Турція, внѣ Малой Азіи, не есть нація. Въ томъ и заключается слава Франціи, что она, посредствомъ великой революціи, доказала, что нація существуетъ сама по себѣ. Поэтому мы не должны считать неумѣстнымъ подражаніе намъ-же со стороны другихъ. Принципъ національностей—нашъ принципъ.

Что такое нація? Почему Голландія—нація, а Ганноверъ или великое герцогство Пармское—нѣтъ? Какимъ образомъ Франція продолжаетъ быть націею, когда создавшій ее принципъ (т. е. династія) исчезъ? Какимъ образомъ Швейцарія, насчитывающая три языка *), двѣ религіи, три или четыре расы, есть нація, тогда-какъ столь однородная, на-примѣръ, Тоскана націею признана быть не можетъ? Почему Австрія—государство, а не нація? Чѣмъ отличается принципъ національностей отъ принципа расъ? Вотъ вопросы, твердое и сознательное рѣшеніе которыхъ составляетъ потребность зрѣлаго ума, для установленія согласія его съ самимъ собою. Дѣла міра сего, пожалуй, и не управляются подобнаго рода разсужденіями, но людямъ мыслящимъ тѣмъ - не - менѣе желательно внести нѣкоторую разумность въ эти области мысли и разъяснить недоумѣнія, въ которыхъ запутываются поверхностные умы.

*) Языки эти: нѣмецкій, французскій, итальянскій. Авторъ забываетъ четвертый языкъ, именно *романіольскій*, на которомъ говорятъ въ значительной части Граубюнденскаго кантона.

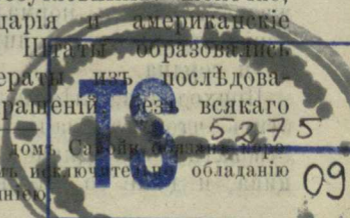
II.

Если вѣрить инымъ теоретикамъ по части политики, то нація, прежде всего—династія, представительница давнишняго завоеванія, на первыхъ порахъ признаннаго, а впослѣдствіи забытаго массою народонаселенія. По мнѣнію упомянутыхъ политиковъ, группировка провинцій, созданная какою-либо династіею, ея войнами, брачными союзами, трактатами, прекращается и теряетъ свою силу вмѣстѣ съ пресѣченіемъ самой династіи. Совершенно вѣрно, что большая часть современныхъ націй обязана своимъ возникновеніемъ династіи феодальнаго происхожденія, отождествившей себя съ подвластною ей страной и сдѣлавшейся нѣкоторымъ образомъ ядромъ централизаціи. Границы Франціи въ 1789 году не имѣли ничего естественнаго, ни даже необходимаго. Обширное пространство, которое французскіе короли изъ рода Капета присоединили къ узкой полосѣ, отведенной Вердѣнскимъ трактатомъ, было дѣйствительно личнымъ приобрѣтеніемъ этой династіи. Въ эпоху, когда про-

исходили эти присоединенія, не существовало никакого понятія ни о естественныхъ границахъ, ни о правѣ народностей, ни о самостоятельной волѣ провинцій. Сліяніе Англіи, Шотландіи и Ирландіи было точно также дѣломъ чисто династическимъ. Италія сдѣлалась націею такъ поздно лишь потому, что между многочисленными царствовавшими родами ни одинъ, до нашего вѣка, не сдѣлался центромъ единенія. И странное дѣло! Королевскій титулъ *) Италія получила отъ темнаго острова Сардиніи, даже еле италіянскаго. Голландія, создавшая сама себя, подвигомъ геройскаго сопротивленія, тѣмъ-не-менѣе ввѣрила свою судьбу оранскому роду, и она подверглась бы серьезной опасности въ случаѣ расторженія этого тѣснаго союза.

Можно-ли, однако, считать подобный законъ безусловнымъ? Конечно, нѣтъ. Швейцарія и американскіе Соединенные Штаты образовались какъ конгломераты изъ послѣдовательныхъ приращеній, безъ всякаго

*) Герцогскій домъ Савойскій обязанъ королевскимъ титуломъ исключительно обладанію островомъ Сардиніею.

династическаго базиса. Не стану разбирать вопросъ по отношенію къ нынѣшней Франціи. Для этого необходимо было-бы обладать даромъ предвидѣнія будущаго. Скажу лишь то, что великая королевская династія Франціи была до того высоконаціональна, что послѣ ея паденія нація могла держаться и безъ нея. Ктому-же 18-й вѣкъ произвелъ громадныя измѣненія. Люди, послѣ столѣтій униженія, возвратились къ античному духу, къ уваженію самихъ себя, къ признанію своихъ правъ и обязанностей. Слова «отечество» и «гражданинъ» вновь приобрѣли свое истинное значеніе. Такимъ образомъ и могла совершиться самая смѣлая операція, когда-либо произведенная въ теченіи всемірной исторіи, операція, которую можно сравнить, въ области физиологіи, съ попыткою продлить жизнь и всѣ ея нормальныя отправленія въ организмъ, лишенномъ мозга и сердца.

Приходится, слѣдовательно, допустить, что иная нація можетъ существовать и безъ династическаго принципа, и даже то, что націи, которыя

были созданы династією, могли отдѣлиться отъ этой династіи, не переставая, вслѣдствіе этого, существовать. Древній принципъ, принимающій въ соображеніе исключительно только династическое право, называется одностороннимъ; рядомъ съ династическимъ правомъ существуетъ и право національное. На какомъ-же критеріи основать это національное право? По какому признаку узнать, отъ какого осязательнаго факта произвести его?

I. Отъ *расы*, говорятъ нѣкоторые съ самоувѣренностью. Искусственныя дѣленія, происходящія отъ феодализма, отъ бракосочетаній принцевъ, отъ дипломатическихъ сѣздовъ, пришли въ ветхость. Единственное что остается твердо, непоколебимо, это—раса населеній. Вотъ что составляетъ право, законность. Германская семья, на примѣръ—по излагаемой здѣсь теоріи — имѣетъ право обратно присоединить къ себѣ разсѣянныя члены германизма, хотя-бы эти члены и не желали во все такого присоединенія. Право германизма на такую-то область стоитъ выше права жителей этой области

надъ самими собою. Такимъ образомъ создается какое-то первоначальное право, аналогичное абсолютизму; принципу національности противопоставляется принципъ этнографіи. Въ этомъ заключается великое заблужденіе, которое, если-бы оно стало господствующимъ, погубило-бы цивилизацію. Насколько принципъ національностей справедливъ и законенъ, настолько принципъ первоначальнаго права расъ узокъ и опасенъ для истиннаго прогресса.

Въ племени и въ городѣ древности различіе расъ дѣйствительно имѣло первостепенное значеніе. Племя и городъ были лишь расширеніемъ семьи. Въ Спартѣ, въ Аѳинахъ, всѣ граждане состояли между собою въ родствѣ болѣе или менѣе близкомъ. То-же самое было у Бени-израильтянъ; то-же самое мы видимъ и понынѣ у арабскихъ племенъ. Изъ Аѳинъ, изъ Спарты, изъ племени израильскаго перенесемся въ Римскую имперію. Тутъ положеніе совершенно иное. Образуемая первоначально насиліемъ, затѣмъ поддерживаемая общимъ интересомъ, эта обширная и сложная система горо-

довъ и провинцій, совершенно разнородныхъ, наносить самый рѣшительный ударъ идеѣ расъ. Христианство, со своимъ всемірнымъ и безусловнымъ характеромъ, дѣйствуетъ съ еще бѣльшимъ успѣхомъ въ томъ-же направленіи. Оно вступаетъ въ тѣснѣйшій союзъ съ Римскою имперіею и, совокупнымъ дѣйствіемъ этихъ двухъ *несравненныхъ агентовъ* объединенія, этнографическія соображенія на нѣсколько столѣтій устранены вовсе отъ управленія людскими дѣлами.

Нашествіе варваровъ было, вопреки видимости, новымъ шагомъ на этомъ пути. Очертанія варварскихъ королевствъ не имѣютъ ничего общаго съ этнографіею; они опредѣляются силою или капризомъ завоевателей. Для нихъ принадлежность покоренныхъ народовъ къ той или другой расѣ было дѣломъ совершенно безразличнымъ. Карлъ Великій возобновилъ на свой ладъ то, что прежде сдѣлалъ Римъ, единую имперію, составленную изъ самыхъ разноплеменныхъ народовъ; составители-же Вердѣнскаго трактата, съ невозмутимымъ спокойствіемъ проведя свои двѣ боль-

шія лініі съ сѣвера къ югу, ничуть не заботились о расѣ людей, находившихся съ правой или съ лѣвой стороны отъ этихъ линій. Измѣненія границъ, происходившія затѣмъ въ продолженіи среднихъ вѣковъ, также были лишены всякой этнографической тенденціи. Если политикъ, которой неуклонно держалась Капетингская династія, удалось сгруппировать подъ названіемъ «Франція» почти всѣ области, составлявшія древнюю Галлію, то это произошло вовсе не вслѣдствіе какого-либо стремленія этихъ областей присоединиться къ своимъ соплеменникамъ. Дофинэ, Брессъ, Провансъ, Лотарингія не помнили вовсе объ общемъ происхожденіи. Всякое сознаніе собственно гальской народности изгладилось и исчезло еще во 2-мъ вѣкѣ нашей эры.

Такимъ образомъ, этнографическія соображенія были рѣшительно ни при чемъ въ созиданіи нынѣшнихъ націй. Франція сложилась изъ трехъ расъ: кельтской, иверской, германской; Германія — изъ германской, кельтской и славянской. Италия — та страна, гдѣ этнографія наиболѣе

запутана: въ ней галлы, этруски, пеласги, греки, не говоря уже о многихъ другихъ элементахъ, скрещиваются въ невообразимой смѣси, разобрать которую рѣшительно нѣтъ возможности. Великобританскіе острова, въ своей совокупности, представляютъ смѣсь кельтской и германской крови, взаимныя отношенія которой чрезвычайно трудно опредѣлить.

Истина въ томъ и заключается, что нѣтъ чистой расы и что основывать политику на этнографическомъ анализѣ—значить придавать ей химерическое направленіе. Самыя цивилизованныя страны, Англія, Франція, Италія—въ то-же время такія страны, въ которыхъ кровь наиболѣе смѣшана. Сама Германія составляетъ ли исключеніе въ этомъ отношеніи? Страна-ли она чисто-германская? Какое заблужденіе! Весь югъ кельтскаго происхожденія, весь востокъ, начиная отъ Эльбы, — славянскаго. И тѣ части, о которыхъ утверждаютъ, что онѣ несомнѣнно чисты... чисты-ли онѣ на самомъ дѣлѣ? Мы касаемся здѣсь одной изъ тѣхъ проблемъ, на счетъ которыхъ крайне

важно составить себѣ ясное понятіе, во избѣжаніе недоразумѣній.

Преппирательства о расахъ нескончаемы оттого, что слово *раса* принимается историками-филологами и антропологами физиологической школы въ двухъ, совершенно различныхъ, значеніяхъ. Для антропологовъ терминъ «раса» имѣетъ тотъ-же смыслъ, какъ и въ зоологіи, означая реальное происхожденіе (наслѣдственность), кровное родство. Изслѣдованіе же языковъ и исторіи не приводитъ къ тѣмъ-же подраздѣленіямъ, какъ физиологія. Словамъ: «краткоголовый», «долгоголовый» нѣтъ мѣста въ наукѣ исторической и филологической. Среди человѣческой группы, создавшей арійскіе языкъ и культуру, уже встрѣчались и «краткоголовые», и «долгоголовые». То-же самое можно сказать о первоначальной группѣ, создавшей семитическіе языкъ и культуру. Иными словами, зоологическія начала человѣчества неизмѣримо древнѣе началъ культуры, цивилизаціи, рѣчи. У первобытныхъ группъ: арійской, семитической, туранской никакого физиологическаго единства не было. Эти группировки составляютъ исто-

рические факты, происшедшіе въ известную эпоху, положимъ, лѣтъ 15 или 20 тысячъ тому назадъ, тогда какъ зоологическое происхождение человѣчества теряется во мракъ неисчислимыхъ тысячелѣтій. То что исторически и филологически называется германскою расою, безъ сомнѣнія, есть вполне раздѣльная семья среди человѣческаго рода. Но семья-ли это въ антропологическомъ смыслѣ? Конечно, нѣтъ. Появленіе германской индивидуальности въ исторіи произошло лишь за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова. Однако, по всей вѣроятности, германцы тогда не выскочили такъ-таки изъ земли. До того времени, смѣшанные вмѣстѣ со славянами, въ огромной и неопредѣленной массѣ скивоовъ, они не имѣли еще своей обособленной индивидуальности. Англичанинъ, безъ сомнѣнія, представляетъ собою *типъ* среди совокупности человѣческаго рода. Однако, типъ того, что весьма неточно называютъ англо-саксонскою расою, это — ни бретонецъ времени Цезаря, ни англо-саксонецъ Генгиста, ни датчанинъ Кнута, ни норманнъ Вильгельма завоевателя; типъ англи-

чанина — общее произведение всего этого. Французъ — ни галль, ни франкъ, ни бургундецъ. Онъ то, что вышло изъ великаго котла, въ которомъ, подь руководствомъ королей Франціи, вмѣстѣ бродили самые разнородные элементы. Житель острова Джерси или Гернси относительно происхожденія ничѣмъ не отличается отъ норманнскаго населенія сосѣдняго берега. Еще въ 11-мъ столѣтіи самый проницательный глазъ не могъ-бы уловить ни малѣйшей расовой разницы по сю или по ту сторону британскаго канала.

Такимъ образомъ, вопросъ о расѣ, канитальный на первыхъ порахъ, постепенно теряетъ свое значеніе. Исторія человѣчества существенно отличается отъ зоологіи. Въ ней раса не играетъ первенствующей роли, какъ у грызуновъ или у семейства кошекъ, и мы не вправѣ, странствуя по бѣлу-свѣту, ощупывать черепы людей, а затѣмъ, схвативъ ихъ за горло, сказать имъ: «ты нашей крови; ты принадлежишь намъ». Помимо антропологическихъ признаковъ существуютъ: разумъ, справедливость, истина, прекрасное, которые одни для

всѣхъ. Ктому-же эта этнографическая политика ненадежна: вы эксплуатируете ее противъ другихъ, а вдругъ она обратится противъ васъ-же самихъ. Можно-ли быть увѣреннымъ въ томъ, что нѣмцы, такъ высоко поднявшіе знамя этнографіи, не увидятъ славянъ, въ свою очередь, анализирующихъ собственныя имена деревень Саксоніи или Лузаци, отыскивающихъ слѣды оботритовъ или вильцевъ и требующихъ отчета въ избіеніи и гуртовой продажѣ ихъ предковъ во времена царствованія Оттоновъ. Для всѣхъ полезно умѣть забыть многое.

Я очень люблю этнографію; это— наука, представляющая рѣдкій интересъ; но такъ-какъ я желалъ-бы видѣть ее свободною, то отвергаю всякое политическое примѣненіе ея. Въ этнографіи, какъ и во всѣхъ отрасляхъ знанія, системы то и дѣломѣняются, въ чемъ и заключается коренное условіе прогресса. Такъ неужели и націи измѣняются вмѣстѣ съ системами? Неужели разграниченіе государствъ такъ и должно сообразоваться съ колебаніями науки? *Неужели и патриотизмъ зависитъ*

отъ больше или меньше парадоксальной ученой диссертации? Патриоту скажутъ: «Вы ошибаетесь; вы проливали свою кровь ради такого-то дѣла; вы считали себя кельтомъ; напрасно... вы — германецъ». Потомъ, спустя десять лѣтъ, ему-же станутъ доказывать, что онъ — славянинъ. Во имя достоинства науки, чтобы не извращать ея прямого назначенія, не будемъ-же заставлять ее подавать мнѣніе въ этихъ проблемахъ, въ которыхъ замѣшано столько *интересовъ*. Будьте увѣрены, что если потребуютъ отъ науки снабжать элементами дипломатію, то ей не разъ придется быть уличенной въ явной *услужливости*. Ея задача гораздо выше: будемъ требовать отъ нея одной только истины.

II. То, что сказано нами о расѣ, въ одинаковой мѣрѣ относится и къ языку. Языкъ располагаетъ, но не принуждаетъ къ единенію. Соединенные Штаты и Англія, республики испанской Америки и Испанія говорятъ на однихъ и тѣхъ-же языкахъ, не составляя, между-тѣмъ, одну и ту-же націю. Крошечная Швейцарія, напротивъ, такъ хорошо организованная, такъ-какъ была создана въ

силу общаго соглашенія ея различныхъ частей, насчитываетъ три или четыре языка *). Въ челоуѣкѣ есть нѣчто стоящее выше языка; это — воля. Воля Швейцаріи быть единой, несмотря на разнообразіе ея діалектовъ, составляетъ фактъ несравненно болѣе важный, чѣмъ единство языка, часто добываемое стѣснительными мѣрами. Франція можетъ гордиться тѣмъ, что она никогда не добивалась единства языка посредствомъ принудительныхъ мѣръ. Развѣ нельзя имѣть одни и тѣ-же чувства и мысли, любить одно и то-же на разныхъ языкахъ? Мы только-что упомянули о неудобствѣ поставить международную политику въ зависимость отъ этнографіи. Не менѣе неумѣстно было-бы поставить ее въ зависимость отъ сравнительной филологіи. Предоставимъ этимъ интереснымъ отраслямъ знанія полную свободу научнаго изслѣдованія и не будемъ замѣшивать ихъ въ такія проблемы, которыя только могутъ

*) Именно четыре, а не три, да и то не считая 10 или 12 различныхъ діалектовъ нѣмецкаго и французскаго языковъ.

исказать справедливость и достоинство чистой науки. Политическое значеніе, придаваемое языкамъ, обусловливается тѣмъ, что на нихъ смотрять, какъ на признакъ расы. Такой взглядъ совершенно ошибоченъ. Пруссія, гдѣ нынѣ говорятъ исключительно по-нѣмецки, говорила по-славянски всего нѣсколько столѣтій тому назадъ; Валлійское княжество говоритъ по-англійски; Галлія и Испанія говорятъ на древнѣйшемъ нарѣчій Албылонги; Египеть говоритъ по-арабски; примѣровъ можно бы привести безчисленное множество. Даже въ первобытныя эпохи сходство языка ничуть не означало сходства или тождества расы. Возьмемъ племя прото-арійское или прото-семитическое; въ нихъ встрѣчались рабы, говорившіе на томъ-же языкѣ, какъ и ихъ повелители; однако, въ то время рабъ часто принадлежалъ совершенно другой расѣ, чѣмъ его господинъ. Еще разъ повторяю: эти подраздѣленія языковъ индо-европейскихъ, семитическихъ и прочихъ, созданныя съ такою проникательностью сравнительною филологіею, не совпадаютъ съ подраздѣленіями ант-

ропологии. Языки—формации историческія, мало доказывающія относительно крови (т. е. расы) тѣхъ, кто говоритъ на нихъ, и которыя, во всякомъ случаѣ, не могутъ связывать человѣческую свободу, когда дѣло касается опредѣленія той народной семьи, съ которою судьба соединила насъ на жизнь и на смерть.

Такое исключительное почитаніе языка представляетъ свои неудобства и опасности, подобно чрезмѣрному вниманію въ расовому различію. Превеличеніе въ этомъ направленіи приводитъ къ односторонности: люди замыкаются въ опредѣленную культуру, признанную ими за національную; отсюда ограниченность, замкнутость. Они отказываются отъ открытаго воздуха, которымъ дышется на обширномъ полѣ человѣчества, чтобы замкнуться въ тѣсныхъ кружкахъ соотчичей. Ничто не можетъ быть вреднѣе этого для ума и болѣе прискорбно для цивилизаціи. Не будемъ отрекаться отъ основного принципа, что человѣкъ—существо разумное и нравственное, прежде чѣмъ быть ограниченнымъ тѣмъ или другимъ языкомъ, прежде чѣмъ быть

членомъ той или другой расы, приверженцемъ той или другой культуры. Прежде культуры французской, нѣмецкой, итальянской имѣется культура человѣческая. Смотрите на великихъ людей времени возрожденія; они были ни французами, ни итальянцами, ни нѣмцами. Близкимъ общеніемъ съ классической древностью они вновь нашли тайну истиннаго воспитанія человѣческаго ума, и этой задачѣ они предавались душою и тѣломъ. И какую услугу они этимъ оказали общей цивилизаціи!

III. Религія также не представляеть достаточно широкой основы для установленія національности въ современномъ смыслѣ. Первоначально религія была тѣснѣйшимъ образомъ связана съ самымъ существованіемъ данной общественной группы: общественная группа была не иное что, какъ расширеніе семьи. Религія, обряды были религіею и обрядами семейными. Аѳинская религія заключалась въ поклоненіи самимъ-же Аѳинамъ, ихъ миѳическимъ основателямъ, ихъ законамъ и обычаямъ. Это поклоненіе не подразумѣвало никакого догматическаго богословія.

То была въ полномъ смыслѣ слова государственная религія. Не исповѣдывать ея—значило не быть аѳиняниномъ. Въ сущности это было обожаніе олицетвореннаго Акрополя. Клясться на алтарѣ Аглавры *)—значило дать клятву умереть за родину. Отказъ отъ участія въ этомъ обрядѣ былъ-бы то-же самое, что у насъ отказъ отъ исполненія долга всесословной воинской повинности. Это значило-бы отречься отъ званія аѳинскаго гражданина. Ясно, съ другой стороны, что подобная религія не имѣла никакого смысла для не-аѳинянь; поэтому-то и не прибѣгали ни къ какимъ мѣрамъ прозелитизма, чтобы заставить иноземцевъ принять ее; даже для аѳинскихъ рабовъ она была необязательна.

Что было справедливо въ Спартѣ, въ Аѳинахъ—уже перестало имѣть основаніе въ царствахъ, образовавшихся вслѣдъ за походомъ Александра, а тѣмъ болѣе въ Римской имперіи. Гоненія Антіоха Епифана съ цѣлью подчинить Востокъ поклоненію

*) Аглавра—олицетвореніе Акрополя, принесшая себя въ жертву для спасенія отечества.

Юпитеру Олимпійскому, преслѣдова-
нія Римской имперіи въ виду покро-
вительства мнимой государственной
религіи, были ошибкою, преступлені-
емъ, истиннымъ абсурдомъ. Въ наше
время положеніе совершенно ясно.
Нѣтъ болѣе (на Западѣ) народныхъ
массъ вполнѣ единовѣрующихъ. Нѣтъ
болѣе государственной религіи; мож-
но быть французомъ, англичаниномъ,
нѣмцемъ, будучи католикомъ, про-
тестантомъ, евреемъ, или даже не
придерживаясь никакого вѣроиспо-
вѣданія. Религія стала дѣломъ инди-
видуальной совѣсти каждаго. Дѣле-
ніе націй на католическія и протес-
тантскія болѣе не существуетъ. Ре-
лигія, которая всего 52 года тому
назадъ была еще столь значитель-
нымъ элементомъ въ созиданіи Бель-
гіи, сохраняетъ и понынѣ все свое
значеніе для личной совѣсти кажда-
го, но она почти совершенно исчез-
ла изъ числа соображеній, могущихъ
повліять на разграниченіе народовъ.

IV. Общность интересовъ, безъ со-
мнѣнія, составляетъ сильную связь ме-
жду людьми. Однако, достаточно-ли
однихъ только интересовъ для созда-
нія націи? Врядъ-ли. Общность ин-

тересовъ порождаетъ торговые договоры. Въ національности-же имѣется и сторона чувства; она въ одно и то-же время тѣло и душа; а «Zollverein» (таможенный союзъ) не есть отечество.

V. То, что принято въ географіи называть естественными границами, безспорно, имѣетъ значительное вліяніе на распредѣленіе націй. Географія—одинъ изъ существенныхъ факторовъ исторіи. Рѣки указывали путь расамъ, горные хребты ихъ останавливали. Первыя благопріятствовали историческимъ передвиженіямъ, вторые ихъ ограничивали. Можно-ли, однако, утверждать, подобно извѣстнымъ партіямъ, что очертанія націи заранѣе указаны географическою картою и что нація имѣетъ право присудить себѣ все необходимое для округленія такой-то пограничной области, для достиженія такой-то рѣки или горы, которымъ приписывается à priori какая-то способность служить границею. Это, на мой взглядъ, самая произвольная и пагубная доктрина. Ею оправдываютъ всякаго рода захваты и насилія. И, во-первыхъ, горы-ли, рѣки-ли образуютъ

эти мнимыя естественныя границы? Нѣтъ сомнѣнія, что горы вообще раздѣляютъ, но рѣки скорѣе соединяютъ. Притомъ-же не всѣ горныя цѣпи могутъ служить границею между государствами. Которыя-же изъ нихъ раздѣляютъ, и которыя нѣтъ? Отъ Біаррица и до Торнея не встрѣчается ни одного устья рѣки, представляющей какой-либо особенный характеръ границы. Если-бы исторія сложилась иначе, то Луара, Сена, Маасъ, Эльба, Одеръ могли бы имѣть, точно такъ-же какъ и Рейнъ, тотъ характеръ естественной границы, изъ-за котораго совершилось столько нарушеній основного международнаго права. Говорятъ также о стратегическихъ соображеніяхъ. Правда, что абсолютнаго ничего нѣтъ, и приходится подчасъ дѣлать уступки необходимости; но эти уступки не должны-бы простирались слишкомъ далеко, въ противномъ случаѣ, каждый будетъ выдвигать на первый планъ свои военныя потребности, и въ результатѣ получится нескончаемая война. Нѣтъ, не свойства почвы составляютъ націю, точно такъ-же какъ и

не раса. Почва даеъ substratum, арену боръбы и труда, а челоуѣкъ даеъ душу. Челоуѣческая личность — *все* въ созиданіи священнаго цѣлаго, именуемаго народомъ. Замѣнить ее не въ состояніи никакія матеріальныя условія. Нація есть начало духовное, результатъ глубокихъ взаимодействій исторіи, духовная семья, а не группа, опредѣленная географическими свойствами и очертаніями почвы.

До-сихъ-поръ мы видѣли, что для созданія этого духовнаго начала недостаточны такія данныя, какъ: раса, языкъ, общность религіи, географія, матеріальные интересы, стратегическіе виды. Чтò-же еще требуется? Вслѣдствіе всего изложеннаго мною выше, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мнѣ не придется долго злоупотреблять вашимъ вниманіемъ.

III.

Нація — душа, духовный принципъ. Двѣ стороны, впрочемъ, совершенно совпадающія другъ съ другомъ, составляютъ эту душу. Одна въ прошломъ, другая — въ настоящемъ. Одна заключается въ обладаніи сообща бо-

гатымъ наслѣдіемъ воспоминаній, другая—въ соглашеніи въ настоящемъ, въ желаніи совмѣстной жизни, въ стремленіи пользоваться сообща наслѣдіемъ, которое получено нераздѣльнымъ. Человѣкъ не есть продуктъ импровизаціи. Нація, какъ и отдѣльная личность, является продуктомъ долготѣнихъ усилій, жертвъ и самоотреченія. Культъ предковъ—самый законный изъ всѣхъ; предки насъ сдѣлали тѣмъ, чѣмъ мы есть. Героическое прошлое, великіе люди, слава (я подразумѣваю настоящую),—вотъ общественный капиталъ, на которомъ зиждется идея національности. Имѣть общую славу въ прошломъ, общую волю въ настоящемъ; совершивъ совокупными усиліями великія дѣянія, стремиться къ новымъ подвигамъ,—таково существенное условіе для народа. Обыкновенно любятъ пропорціонально жертвамъ, какія пришлось принести, страданіямъ, какія пришлось испытать. Любятъ домъ, который сами построили и который передадутъ дѣтямъ. Спартанская пѣснь: «мы таковы, какими вы были; мы будемъ тѣмъ, что вы теперь»—въ своей простотѣ являет-

ся въ сжатомъ видѣ гимномъ всякаго отечества.

Въ прошломъ общее наслѣдство славы и скорбей, въ будущемъ осуществленіе общей программы; страдать, радоваться, уповать сообща— вотъ что имѣеть бѣольшую цѣну, нежели всякія общія таможни и границы, хотя-бы сообразныя съ стратегическими видами; вотъ что всякому понятно, несмотря на различіе расы и языка. Я сказалъ: «страдать сообща»; да, страданіе сообща единить сильнѣе, чѣмъ совмѣстная радость. Въ дѣлѣ національныхъ воспоминаній скорбь цѣннѣе торжества, ибо воспоминанія скорби налагають обязанности, побуждають къ энергіи и совокупной дѣятельности.

Такимъ образомъ, нація—великая солидарность, заключающаяся въ сознаніи принесенныхъ жертвъ и жертвъ еще предстоящихъ. Она предполагаетъ прошлое; въ настоящемъ—же резюмируется осязательнымъ фактомъ, согласіемъ и ясно выраженнымъ желаніемъ продолжать жизнь сообща. Существованіе націи (простите эту метафору) есть ежедневный плебисцитъ, какъ существова-

ніе индивидуума есть непрерывное утверждение жизни. Я знаю, что это менѣе метафизически, нежели божественное право, и менѣе грубо, чѣмъ мнимое историческое право. Согласно излагаемой передъ вами точки зрѣнія, нація, точно такъ-же какъ и король, не имѣетъ права сказать какой-нибудь провинціи: «ты принадлежишь мнѣ; я тебя беру». Провинція, для насъ, это—ея жители; если кто-либо имѣетъ право быть спрошеннымъ въ этомъ дѣлѣ, то это житель. Нація никогда не имѣетъ дѣйствительнаго интереса присоединить къ себѣ или удержать страну противъ ея воли. Желаніе населенія, въ концѣ концовъ, единственный законный критерій, къ которому всегда придется обратиться.

Мы изгнали изъ политики метафизическія и догматическія отвлеченности. Чтѣ-же остается затѣмъ? Остается человѣкъ, его желанія, его потребности. Расторженіе, скажутъ мнѣ, и со временемъ полное раздробленіе націй будутъ слѣдствіемъ системы, подчиняющей эти древніе организмы людской волѣ, часто мало просвѣщенной. Ясно, что въ подоб-

номъ дѣлѣ никакой принципъ не долженъ быть доведенъ до крайности. Истины этого порядка примѣнимы лишь въ ихъ совокупности и только весьма общимъ способомъ. Людскія желанія измѣняются; но что-же не измѣняется въ семь мѣръ? Нации—не нѣчто вѣчное. Онѣ имѣли начало, будутъ имѣть и конецъ. Можетъ быть, что ихъ замѣнитъ когда-нибудь европейская конфедерация. Но не таковъ законъ вѣка, въ которомъ мы живемъ. Въ настоящее время существованіе отдѣльныхъ націй полезно, даже необходимо. Ихъ существованіе есть гарантія свободы, которая погибла-бы, еслибы мѣръ имѣлъ только одинъ законъ и одного повелителя.

Своими различными, часто противоположными, способностями націи спѣшествуютъ общему дѣлу цивилизаціи, всѣ онѣ вносятъ свою ноту въ грандіозный концертъ человечества, который, въ общемъ итогѣ, составляетъ самую высшую, достижимую для насъ, идеальную реальность. Отдѣльно взятая, каждая нація имѣетъ свои слабыя стороны. Но всѣ эти частныя диссонансы

сглаживаются въ общей гармоніи. Бѣдное человѣчество, сколько ты выстрадало! сколько испытаній ожидаетъ тебя впереди! Да руководить тобою духъ благоразумія, чтобы предохранить тебя отъ безчисленныхъ опасностей, какими усѣянъ твой путь!

Итакъ, человѣкъ—не рабъ своей расы, своего языка, своей вѣры, теченія рѣкъ или направленія горныхъ хребтовъ. Значительное скопленіе людей создаетъ нравственное сознаніе, которое и называется народомъ. Пока это нравственное сознаніе доказываетъ свою силу жертвами, какія требуетъ самоотреченіе отдѣльной личности въ пользу общества,—оно законно, оно имѣетъ право на существованіе. Если возникаютъ сомнѣнія на счетъ границъ, узнайте мнѣніе населенія оспариваемой области. Эта мысль, вѣроятно, вызоветъ улыбку со стороны трансцендентныхъ политикановъ, этихъ непогрѣшимыхъ умовъ, проволящихъ всю жизнь свою въ заблужденіяхъ, и которые, съ высоты сводхъ отвлеченныхъ принциповъ, прерительно смотрятъ на нашу низ-

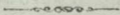
менную практичность: «Справляться съ мнѣніемъ населенія? Фи! какая наивность! не тѣ-ли это скудоумныя идеяки, которыя заявляютъ притязаніе замѣнить дипломатію и войну дѣтски-простыми средствами?»—Дайте срокъ, скажемъ мы, въ свою очередь. Пусть трансцендентные политики пока торжествуютъ. Быть можетъ, послѣ многихъ бесплодныхъ попытокъ ошущью, настанетъ пора и скромныхъ эмпирическихъ рѣшеній. Лучшее средство быть правымъ въ будущемъ, это, подчасъ—умѣть мириться съ непопулярностью въ настоящемъ.

საქართველოს
 ეროვნული ბიბლიოთეკა

ВОЗРАЖЕНІЕ Ш. БИГО

НА ТЕОРИИ РЕНАНА О НАЦИОНАЛЬНОСТИ.

Статья А. Стадлина.

ТИФЛИСЪ.

Тип. Главн. Управл. Главн. нач. гражданскою
частью на Кавказѣ.

1882.

საქართველოს
რეპუბლიკის ეროვნული
ბიბლიოთეკა

ВОЗРАЖЕНИЕ П. ВЛТО

НА ТЕОРИЮ РИНАНА О НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Доз. ценз. Тифл., 10 Апрелья 1882 г.

ВНИМАТЕЛЬНО

Л. П. ФОНТ

Перепечатано изъ №№ 94 и 98 газеты
„Кавказъ“.

8881

საქართველოს
რესპუბლიკის
ხელნაწილების
სამეცნიერო ბიბლიოთეკა

Возраженіе Шарля Биго на теорію Э. Ренана о національности.

Подъ заглавіемъ «L'idée de patrie» въ журналѣ «Revue politique et littéraire» появилась пространная статья французскаго ученаго и публициста Шарля Биго (Ch. Bigot), служащая возраженіемъ на рѣчь Эрнеста Ренана: «Что такое нація?», съ содержаніемъ которой наши читатели уже знакомы *).

Въ капитальномъ вопросѣ объ основномъ понятіи національности, отечества, г. Биго расходится съ Ренаномъ не только въ нѣкоторыхъ частныхъ воззрѣніяхъ, въ маловажныхъ деталяхъ, а самымъ радикальнымъ образомъ. Поэтому читатель, знакомый съ нашими литературными нравами, безъ сомнѣнія, подумаетъ, что коль скоро разногласіе выходитъ коренное, то и полемика выйдетъ... «коренастая», въ смыслѣ всякихъ жалкихъ, красныхъ и крѣпкихъ словъ,

*) Полный переводъ этой рѣчи напечатанъ въ №№ 86 и 87 „Кавказа“.

личной перебранки, искаженія мыслей и словъ противника и пр. и пр. Въ нашей періодической печати стодить только коснуться, хотя-бы слегка, вопросовъ или, вѣрнѣе, словъ, кличекъ и ярлыковъ въ родѣ: «либерализмъ»... «охранительные принципы»... «интеллигенція»... «народничество»... «западничество»...— и немедленно-же въ видѣ (или вмѣсто?) возраженій посыплется градъ любезностей и эпитетовъ, наиболѣе мягкіе изъ которыхъ гласятъ: «безстыдная ложь»... «наглая клевета»... «мракобѣсіе»... «доносъ»... и такъ далѣе до геркулесовыхъ столбовъ непозволительности. Если кто-либо ожидаетъ подобнаго рода аргументаціи и пикантности въ литературномъ спорѣ названныхъ выше двухъ французскихъ публицистовъ, то разочарованіе его будетъ полное. При всей рѣзкости разногласія, полемика г. Биго представляетъ образецъ учтивости, не въ банальномъ, не въ салонномъ смыслѣ слова, а въ смыслѣ глубокаго уваженія къ чужой личности, къ чужимъ взглядамъ и убѣжденіямъ. Полное отсутствіе всякаго задора, всякой рѣзкости въ выраже-

ніяхъ, всякаго заподозриванія намѣреній и добросовѣстности противника. Если г. Ренанъ возразить, то можно быть заранѣе увѣреннымъ, что и его отвѣтъ будетъ отличаться тою же сдержанностью, тѣмъ-же безукоризненнымъ приличіемъ. Вѣдь ему не придется предварительно «возстановлять истину», обличать оппонента въ «умышленномъ или неумышленномъ искаженіи его словъ» и т. п. Споръ начался и будетъ продолжаться на чисто объективной, философской почвѣ, чуждой всякаго мелочнаго самолюбія, всякой тенденціозности, всякихъ личныхъ препирательствъ. Пишущій эти строки, хотя не причисляетъ себя къ сонму «(псевдо-)западниковъ», но полагаетъ, что хоть въ этомъ отношеніи и нашей печати не мѣшало-бы брать примѣръ съ «гнилого» Запада.

Прежде чѣмъ приступить къ подробному анализу возраженій г. Биго противъ воззрѣній г. Ренана, не лишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о впечатлѣніи, вынесенномъ нами изъ чтенія рѣчи послѣдняго. Въ двухъ мѣстахъ Ренанъ напоминаетъ, что достоинство науки заключа-

ется въ полной ея независимости, что
 отъ нея мы должны требовать одной
 только истины, что заставить ее слу-
 жить постороннимъ цѣлямъ—значить
 исказить ея истинное назначеніе.
 Совершенно вѣрно. Но вѣдь то-же
 самое, при томъ въ высшей мѣрѣ,
 слѣдуетъ сказать о философіи. А
 между-тѣмъ въ разсужденіяхъ Рена-
 на о національности, несмотря на
 кажущуюся ихъ чисто-философскую
 отвлеченность, такъ и слышится со-
 вершенно иная нотка, и именно—не
 спокойная *мысль* философа, а глубо-
 ко взволнованное и оскорбленное
чувство французскаго патріота. Объ
 Эльзасѣ и Лотарингіи во всей рѣчи,
 столь богатой примѣрами, заимство-
 ванными изъ исторіи всѣхъ вѣковъ
 и всѣхъ странъ, не упоминается
 прямо ни единымъ словомъ. А меж-
 ду-тѣмъ, не будь франко-герман-
 ской войны 1870—1871 года и при-
 соединенія затѣмъ къ Германіи Эль-
 заса и части Лотарингіи—не было-бы
 и рѣчи Ренана о національности,
 или, по-крайней-мѣрѣ, способъ его
 аргументаціи и выводы вышли-бы
 нѣсколько иными. Такъ, напримѣръ
 —и это составляетъ слабую сторону

настоящую Ахиллесову пятау его теоріи—онъ всячески старается умалять и ступшевывать значеніе расы, языка, религіи и географическихъ условій въ понятіи о націи. Почему? Потому что эти данныя могли-бы какъ нельзя лучше служить оправданіемъ, помимо права войны, присоединенія Германіею означенныхъ провинцій. Но значить-ли это, что у Ренана имѣлась именно задняя мысль, которой онъ сознательно принесъ въ жертву свои научныя и философскія убѣжденія? Подобное предположеніе было-бы крайне несправедливо. Суть дѣла заключается просто въ томъ, что *чувство* французскаго патріота-Ренана сообщило *мысли* философа-Ренана не только особую окраску, но и совершенно своеобразное направление.

Предпославъ эти замѣчанія, мы можемъ приступить къ изложенію теоріи г. Биго *).

I.

Окончательный выводъ Ренана, т.

*) Не лишнимъ считаемъ заявить, что все дальнѣйшее—не переводъ, а сжатый анализъ статьи г. Биго.

е. его прекрасное опредѣленіе идеи національности и патріотизма, — стоитъ выше всякаго спора или сомнѣнія. Да, *нація* есть духовный принципъ, нравственная индивидуальность. Общность мыслей и чувствъ, воспоминаній и надеждъ, желаніе продолжать совмѣстную жизнь, рѣшимость отстаивать ее въ случаѣ угрожающей опасности — вотъ что составляетъ самую суть, самую душу націи.

Однако, въ своемъ опредѣленіи Ренанъ упустилъ изъ виду одно обстоятельство, притомъ и существенное. Общность воспоминаній, твердая воля поддержать взаимную связь, встрѣчаются и тамъ, гдѣ о націи не можетъ быть и рѣчи. Такъ, на примѣръ, различныя народности, подвластныя Турецкой имперіи: славяне, армяне, евреи и проч., безъ сомнѣнія, обладаютъ, каждая въ отдѣльности, общностью воспоминаній, вынесенныхъ страданій, надеждъ на лучшее будущее; однако, кто-же скажетъ, что эти общины составляютъ націи? Среди христіанскихъ народовъ Европы всюду евреи сохраняютъ и съ упорнымъ рвеніемъ отстаиваютъ

УДК 37.01
303.39(010)33

вають свої преданія, свої обряды: єврей голландскій, испанскій, парижскій, лондонскій всегда чувствуєть себя братомъ єврея нѣмецкаго, русскаго, австрійскаго, румынскаго; но можно-ли сказать, что Израиль понынѣ составляетъ націю?

Слѣдовательно, опредѣленіе Рена на не исчерпываетъ понятія о націи. Нація—*политическое цѣлое, политическій организмъ*. Нація не просто ассоціація людей, связанныхъ общимъ чувствомъ; это — ассоціація людей, занимающихъ извѣстное пространство земной поверхности и проявляющихъ единство дѣйствія въ политическомъ смыслѣ. Внутри всѣ подчиняются одной и той-же политической власти, управляются одними и тѣми-же законами; извнѣ они являются и дѣйствуютъ какъ единая политическая личность. Какъ для обороны, такъ и для нападенія, всѣ они представляютъ одну сплоченную массу, одну волю, одну индивидуальность. Такихъ политическихъ индивидуальностей въ новѣйшей Европѣ насчитывается до семнадцати, весьма неравныхъ по росту и по силѣ, но изъ

которыхъ каждая преслѣдуетъ свои отдѣльныя цѣли, защищаетъ свои интересы, можетъ подвергаться разнымъ превратностямъ, причемъ судьба каждой раздѣляется всѣми жителями даннаго государства. Предположите на минуту, что политика совершенно устранена изъ дѣлъ человѣческихъ, т. е. что настала эра всеобщаго братства: никто не желаетъ войны и завоеваній, стало быть некому и защищать себя. Въ такомъ случаѣ исчезла-бы и самая идея національности.

Но въ вышесказанномъ заключается лишь одна половина вопроса. Нація—не только политическая ассоціація, но и политическій организмъ. Въ этомъ состоитъ разница между государствомъ и націею. Безъ политическаго единства нація невысказима, но одного политическаго единства недостаточно для признанія государства націею. Гдѣ существуетъ аггломерация людей, дѣйствующихъ совокупно и представляющихъ въ глазахъ чужеземца единое политическое направленіе, тамъ существуетъ и государство. Политическій-же организмъ, т. е. нація существуетъ

только тамъ, гдѣ людская аггломерация проникнута однимъ и тѣмъ-же чувствомъ, воодушевлена одной и той-же готовностью къ жертвамъ и любовью къ родинѣ. Эта разница прекрасно отмѣчена и Ренаномъ. По его весьма справедливому замѣчанію, Австрійская монархія представляетъ собою государство, а не націю. То же самое, еще съ бѣльшимъ основаніемъ, приходится сказать о Турецкой имперіи. Таковыми-же были, въ древности, монархіи Ассирійская и Персидская, въ среднихъ вѣкахъ монархія Карла Великаго и позднѣе Карла V, а въ новѣйшія времена имперія Наполеона I.

Всякій политическій составъ, который—только политическій составъ, осужденъ на недолговѣчность. Всякое государство, которое только государство, шатко и непрочно. Пока судьба благопріятствуетъ, оно держится: будучи побѣдоноснымъ, оно можетъ увеличиться новыми провинціями и воображать, что выиграло въ могуществовѣ и благосостояніи пропорціонально приращенію территоріи. Таково было заблужденіе всѣхъ завоевателей, начиная отъ Кира и

Александра Македонскаго и до Наполеона. Но счастье не вѣчно улыбается своимъ баловнямъ. Когда настаетъ часъ неудачъ, то сразу обнаруживается разница между государствомъ и націею. Для имперій, которыя только государства, пораженія бывають гибельными: свои завоеванія онѣ теряють еще бѣстрѣе, чѣмъ сдѣлали ихъ. Что лишено внутренней, органической связи, то и распадается, и раздробляется чрезвычайно легко, при первомъ удсбномъ случаѣ, чему исторія всѣхъ временъ представляетъ массу примѣровъ.

Нужно сожалѣть, что нѣкоторые изъ примѣровъ, приведенныхъ Ренаномъ въ подтвержденіе столь справедливой основной мысли, выбраны имъ неудачно. На его взглядъ, между-прочимъ, идея отечества была чужда древней Греціи, на томъ основаніи, что будто-бы греческій городъ былъ лишь расширенной семьей. Съ этимъ невозможно согласиться. Спарта Леонида, Фивы Епаминонда, Аѣины временъ Маратона и до Херсоней представляли собою отечество въ самомъ чистомъ и возвы-

шенномъ значеніи этого слова. Тутъ важно не число гражданъ, а ихъ духъ и чувства. Пусть граждане Спарты и Аэинъ считаются десятками тысячъ, а граждане новѣйшихъ націй милліонами и десятками милліоновъ—отъ этого суть дѣла не измѣняется, и статистика рѣшительно ни при чемъ въ оцѣнкѣ патріотической доблести даннаго народа и его права быть признаннымъ за націю.

Не менѣе ошибочнымъ, только въ обратномъ смыслѣ, представляется воззрѣніе Ренана, усматривающее въ Римской имперіи какое-то приближеніе къ настоящему типу націи. Римскій патріотизмъ проявляется, притомъ съ удивительной энергіею, въ первые вѣка, о которыхъ Ренанъ и не упоминаетъ, а именно, въ борьбѣ Рима со своими сосѣдями, въ борьбѣ съ Перромъ, съ кельтами, съ карфагенянами. Мы видимъ этотъ патріотизмъ распространяющимся отъ латинскаго города на всю Италію, шагъ за шагомъ завоеванную, дисциплинированную, ассимилированную благодаря военнымъ колоніямъ. Но никогда, положительно никогда, рим-

скій патріотизмъ не сообщался остальному міру, покоренному римскимъ оружіемъ. Имперія имѣла подданныхъ, но не гражданъ. Владычество ея простиралось на три части свѣта; предѣлы ея были, такъ-сказать, предѣлами извѣстнаго въ то время міра. Но ей не удалось создать націю изъ побѣжденныхъ народовъ, да объ этомъ она даже никогда и не заботилась. Единственнымъ ея девизомъ было: *Tu regere imperio populos, Romane, memento!* *).

Тотъ моментъ, въ которомъ Ренанъ усматриваетъ возникновеніе патріотическаго и національнаго чувства въ древнемъ мірѣ, оказывается, напротивъ, моментомъ окончательнаго исчезновенія этихъ чувствъ. *Римскій миръ* (рах гомана) могъ оказать услуги цивилизації; онъ могъ считаться благодѣяніемъ для народовъ, истощенныхъ войнами и утратившихъ чувство національности. Стройная администрація, поддержаніе порядка внутри, бдительная охрана границъ отъ постоянно угрожавшихъ вторженій варваровъ—въ

*) Владычествуй надъ народами, римлянинь!

этомъ и заключалась вся роль Римской имперіи. Она была государствомъ, но не націей. Наибольшее сходство съ ней представляютъ древнѣйшая Ассирійская монархія или нынѣшняя колониальная имперія Англии. Одинъ фактъ распада Рима на восточную и западную и дальнѣйшее раздробленіе этихъ двухъ обширныхъ половинъ ясно доказываетъ отсутствіе нравственнаго и, слѣдовательно, національнаго единства.

II.

Итакъ, исходная точка найдена: нація есть организмъ, притомъ организмъ политическій. Затѣмъ возникаетъ вопросъ: какъ образуется такой организмъ? Націи создаются различнымъ образомъ. Жизнь крайне разнообразна, и одно изъ важнѣйшихъ заблужденій философскаго духа заключается въ стремленіи подвести ея многоразличныя проявленія подъ какую-нибудь общую формулу. Съ самой общей точки зрѣнія въ исторіи человѣчества замѣчаются два діаметрально противоположныхъ состоянія, первое — бессознательное, второе — сознательное. Меж-

ду этими крайностями существуетъ, разумѣтся, безконечная градація отдѣлковъ. Въ первомъ изъ этихъ состояній человѣкъ не отдаетъ себѣ отчета ни въ своихъ правахъ, ни въ своемъ личномъ достоинствѣ; онъ — нѣсколько выше животнаго и довольствуется этимъ. Кругъ его желаній ограниченъ первѣйшими потребностями, простѣйшими чувствами. Далѣе своей особы, своего личнаго благополучія и своей семьи онъ почти ничего не видитъ. Во второмъ (сознательномъ) состояніи, напротивъ, за собственнымъ я, за семьею, онъ видитъ человѣческую семью, болѣе обширную, къ которой онъ принадлежитъ и всѣхъ членовъ которой онъ желаетъ видѣть въ тѣсномъ общеніи и единеніи. Нація можетъ возникать и при томъ и при другомъ изъ этихъ состояній; но при первомъ отдѣльная личность играетъ чисто пассивную роль, а при второмъ — активную.

Исторія представляетъ множество примѣровъ и того и другого способа происхожденія національностей. Въ извѣстные періоды несомнѣнно преобладаетъ первый. У народовъ

древней Азіи, напрімѣръ, право завоевателя, т. е. сильнѣйшаго, считалось верховнымъ, священнымъ правомъ. Находиться попеременно подъ владычествомъ египтянъ, ассирійцевъ, персовъ—для нихъ было совершенно безразлично, лишь-бы матеріальныя условія жизни не подвергались слишкомъ рѣзкимъ переменамъ. Исторія среднихъ вѣковъ, а именно феодализма, представляетъ аналогичный примѣръ. Провинціи со всѣмъ ихъ населеніемъ передавались изъ рукъ въ руки на основаніи купчихъ, трактатовъ, брачныхъ договоровъ, духовныхъ завѣщаній, и никто не думалъ оспаривать право феодаловъ на подобнаго рода сдѣлки.

При такомъ нравственномъ состояніи массъ возникновеніе націи можетъ быть и плодомъ завоеванія. Большинство новѣйшихъ національностей, въ томъ числѣ и французская, нынѣ столь крѣпкая и устойчивая, не имѣетъ иного происхожденія. Для этого требуются лишь два условія: первое, чтобы завоеватель, не довольствуясь тѣмъ, что онъ — побѣдитель, старался покорить себѣ умъ и сердце народа, чтобы

онъ заставилъ любить свою власть и внушалъ всѣмъ одни и тѣ-же чувства посредствомъ правосудія, единства учреждений и законовъ, общности интересовъ. Второе условіе: завоеванія должны происходить настолько медленно, чтобы существующее уже единство никогда не нарушалось слишкомъ значительными присоединеніями, и чтобы ассимиляція новыхъ элементовъ могла совершаться спокойно. Слишкомъ быстрый или внезапный ростъ государства всегда сопряженъ съ опасностью для національности. Если единство Франціи столь сильно, то потому, что оно не плодъ импровизаціи, а медленное и постепенное созданіе вѣковъ.

Когда нація образуется при такихъ историческихъ условіяхъ, очевидно, что самое существо ея заключается не въ единствѣ расы, не въ физической географіи, не въ языкѣ, не въ религіи, не въ общности экономическихъ интересовъ. Безъ сомнѣнія, главнымъ факторомъ тутъ является дѣятельность политическихъ вождей. Тѣмъ не менѣе Ренанъ уже черезчуръ уменьшилъ значеніе и роль названныхъ элементовъ. Единить людей можно

только тѣмъ, что ихъ сближаетъ. Все что обще между ними служитъ къ образованію общей души. Пусть фізіологъ намъ скажетъ: «жизнь не заключается ни въ желудкѣ, ни въ сердцѣ, ни въ мозгѣ». Совершенно вѣрно, отвѣтимъ мы, но все это — органы жизни, взаимодействіемъ которыхъ и обуславливается жизнь.

Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, отрицать, что христіанская вѣра служила самой твердой опорой національнаго чувства въ борьбѣ Испаніи съ маврами. Развѣ во Франціи релігіозное движеніе, породившее крестовые походы, не способствовало выдѣленію національнаго единства? Даже внутренній крестовый походъ противъ альбигенцевъ, съ сопровождавшими его ужасами, не послужилъ ли къ прочному установленію національнаго единства сѣвера и юга Франціи? Подобныхъ примѣровъ можно было-бы привести массу.

Экономическіе вопросы, безъ сомнѣнія, не имѣли въ среднихъ вѣкахъ того значенія, какое они пріобрѣли впоследствии, благодаря развитію путей сообщеній, навигаціи, торговли, промышленности. Но все-же су-

ществовали и тогда общіе интересы между различными частями одной и той-же страны, и политическое умѣніе правителей отчасти въ томъ и заключалось, чтобы угадать эти интересы и, путемъ поощренія, пользоваться ими какъ элементами сближенія отдѣльныхъ провинцій и, слѣдовательно, увеличенія національнаго благосостоянія и могущества.

Что-же касается физической географіи, то значеніе ея далеко не маловажно, даже въ томъ случаѣ, когда національности образуются, повидимому, случайно и въ силу политическихъ соображеній, чуждыхъ народнымъ желаніямъ и стремленіямъ. Географическое положеніе Англіи, безспорно, явилось могущественнымъ факторомъ созданія ея единства. А Франція? Съ запада океанъ, съ юга Пиренеи и Средиземное море, съ юго-востока Альпы—начертили ей естественныя границы, которыхъ она рано или поздно, роковымъ образомъ, должна была достигнуть, и перешагнуть которыя ей и не слѣдовало. Пока французская политика согласовалась съ географією, она торжествовала. Когда-же ея замы-

УДК 94(075)
308.50(075)

слы простирались далѣе Пиренеевъ или Альповъ, она терпѣла цѣлый рядъ неудачъ. Испанія оказалась гибельной какъ для Карла Великаго, такъ и для Наполеона I. Италія въ продолженіи трехъ вѣковъ была могилою французовъ. Сколько разъ они ее ни завоевывали, но удержать ее не могли. Съ востока и съ сѣвера Франція не имѣетъ естественныхъ границъ, а это обстоятельство въ продолженіи вѣковъ имѣло и доннынѣ имѣетъ для нея самое роковое значеніе. Какова-бы ни была, съ этой стороны, граница, она всегда будетъ чисто условной, какъ для Франціи, такъ и для ея сосѣдей: одинъ трактатъ подвинетъ ее впередъ, другой отодвинетъ назадъ. Страшно и подумать, какими потоками крови лѣтопись человечества обязана одной географіи, какъ-бы заранѣе отмѣтившей поля битвы, гдѣ народы сталкивались и будутъ сталкиваться въ ужасныхъ войнахъ до тѣхъ поръ, пока желаніе и согласіе населенія этихъ неопредѣленныхъ областей не будетъ признано всѣми единственной нормой для разрѣшенія споровъ и взаимныхъ состязаній.

Остается вопросъ о расѣ и языкѣ, не имѣющихъ, по теоріи Ренана, существеннаго значенія для образованія національности. Съ этимъ невозможно согласиться, хотя-бы рѣчь шла исключительно о націяхъ, образовавшихся вслѣдствіе завоеванія. Ограничиваясь примѣромъ Франціи, можно смѣло утверждать, что языкъ оказался наилучшимъ союзникомъ французскихъ королей въ дѣлѣ созданія національнаго единства. Пока существовали раздѣльно: языкъ трубадуровъ (*langue d'oc*) и языкъ труверовъ (*langue d'oïl*), Франція фактически была раздѣлена на двѣ половины, имѣвшія между собою мало общаго. Когда-же сѣверный діалектъ, корень нынѣшняго французскаго языка, сталъ сначала преобладающимъ, а затѣмъ общепонятнымъ и общепотребительнымъ, важнѣйшій шагъ къ національному единству былъ сдѣланъ. Чтобы любить другъ друга необходимо понимать другъ друга, а лучшимъ и простѣйшимъ средствомъ взаимнаго пониманія является общій языкъ.

Наконецъ, относительно расы Ренанъ совершенно правъ, утверждая,

УДК 37.01
ББК 74.001.01

что между современными европейскими націями не найдется такой, которая могла-бы похвастаться чистотою и несмѣшанностью расы. Такъ что-же изъ этого слѣдуетъ? Вѣдь раса расѣ рознь. Есть расы этнографическія, есть расы *культурныя*, каковое различіе Ренанъ совершенно упускаетъ изъ виду. Нѣтъ никакой возможности отыскать между нынѣшними французами—прямыхъ потомковъ кельтовъ, римлянъ, франковъ, вестготовъ, бургундцевъ, норманновъ и пр. Въ томъ-то и дѣло, что давнымъ-давно ихъ и слѣдъ простылъ; но за то во Франціи несомнѣнно имѣется французская раса, рѣзко отличающаяся отъ всѣхъ прочихъ расъ, обладающая особыми физическими признаками, особымъ умственнымъ и нравственнымъ темпераментомъ. Эта раса могла произойти отъ всевозможныхъ скрещиваній; но, тѣмъ не менѣе, она несомнѣнно существуетъ и окончательно сформировалась еще за долго до зариновыхъ временъ...

III

До-сихъ-поръ предметомъ нашихъ

разсуждений были національности, образовавшіяся въ періоды безсознательнаго состоянія человѣчества или, по-меньшей-мѣрѣ, состоянія смутнаго, неопредѣленнаго полусознанія. Главною пружиною такихъ формацій является политика, главными агентами — правители, государственные дѣятели. Тѣмъ не менѣе, какъ мы видѣли, и въ этихъ случаяхъ религія, раса, языкъ, географія и экономическіе интересы играютъ далеко не маловажную роль.

Но существуютъ также національности, образовавшіяся при совершенно иныхъ условіяхъ, въ періодъ вполне сознательнаго состоянія человѣческихъ обществъ. За истекшее столѣтіе мы видѣли нѣсколько примѣровъ: возникновеніе американской національности, объединеніе Италіи, объединеніе сначала сѣверной, а затѣмъ всей Германіи. Сюда-же относится броженіе въ славянскомъ мірѣ, столь сильно тревожащее западную Европу. Здѣсь роль политическихъ дѣятелей ограничивается тѣмъ, что они могутъ, смотря по обстоятельствамъ, ускорить или тормозить національное движеніе; они могутъ попы-

таться придать движенію направле-
ніе согласное съ ихъ соображеніями
или честолюбіемъ; но самое движе-
ніе существуетъ помимо ихъ, а это об-
стоятельство не слѣдуетъ терять изъ
виду, подъ опасеніемъ самыхъ же-
стокихъ разочарованій. Есть время,
когда инициатива политическихъ дѣ-
ятелей создаетъ національность, хо-
тя не цѣликомъ, но во всякомъ слу-
чаѣ въ широкой мѣрѣ; но бываютъ
и такія времена, когда націи обра-
зуютъ сами себя. Отрицать право на-
ціональностей, возникающихъ этимъ
именно путемъ, или сомнѣваться въ
ихъ жизненности было-бы бесполез-
нымъ самообманомъ.

Въ этихъ случаяхъ вопросъ о лич-
ности политическаго агента или
творца объединенія становится вто-
ростепеннымъ. Ему все прощается:
и насиліе, и вѣроломство, и двусмы-
сленность средствъ, лишь-бы только
онъ соотвѣтствовалъ всеобщему же-
ланію и направилъ-бы народъ къ
предначертанной общею волею цѣли.
На долю сѣверной Америки выпало
рѣдкое счастье видѣть, въ лицѣ
Вашингтона, честнѣйшаго изъ поли-
тиковъ и въ то-же время мудрѣйша-

го изъ государственныхъ мужей; Со-
единенные Штаты многимъ обязаны
такому счастливому и необыкновен-
ному случаю. Но, за неимѣніемъ Ва-
шингтона, Америка привѣтствовала-
бы и всякаго другого, кто сдѣлалъ-бы
ее независимой, предоставилъ-бы воз-
можность располагать своими судьба-
ми и освободилъ-бы отъ ненавистна-
го господства Англии. Другія стра-
ны имѣли творцовъ своего націо-
нальнаго единства менѣе разборчи-
выхъ въ средствахъ, память о кото-
рыхъ тѣмъ не менѣе благословляет-
ся и имя которыхъ дорого всѣмъ
патріотамъ.

Когда, такимъ образомъ, въ народѣ
проявляется сильное желаніе быть
нацією, то національность его уже
существуетъ потенціально, даже пре-
жде чѣмъ успѣетъ занять опредѣ-
ленное мѣсто на политической кар-
тѣ свѣта. Общая душа, единая во-
ля зародились, короче сказать, нація
уже на лицо.

Какимъ-же образомъ совершается
объединеніе такихъ національностей?
Вотъ гдѣ дѣйствіе отодвинутыхъ
Ренаномъ на задній планъ факторовъ
обнаруживается съ особенной силою.

Два раза въ продолженіи послѣднихъ трехъ вѣковъ религія создала и разстроила политическія единства. Въ концѣ XVI-го вѣка протестантизмъ отторгнулъ Соединенныя провинціи отъ испанскаго владычества въ Нидерландіи, а въ XIX-мъ столѣтіи католицизмъ, въ свою очередь, явился главнымъ агентомъ отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи. Быть можетъ, различіе религіи и составляетъ важнѣйшее препятствіе къ полному сліянію славянъ Польши и славянъ Россіи. Нѣтъ надобности вдаваться здѣсь въ подробный анализъ вліянія расы, географіи и пр., уже разсмотрѣннаго въ предъидущемъ отдѣлѣ. Замѣтимъ только слѣдующее:

Все что соединяетъ жителей различныхъ странъ, все что внушаетъ имъ общія желанія, все что заставляетъ ихъ находить близкія взаимныя отношенія пріятными и выгодными—становится агентомъ сближенія; и напротивъ, все то что раздѣляетъ людей, естественно стремится къ расторженію ихъ союза. Чѣмъ болѣе человѣческое общество приближается къ состоянію сознатель-

УДК 37.01
ББК 74.001.01

ности, тѣмъ яснѣе оно отдастъ себѣ отчетъ въ сродствахъ какъ естественныхъ, такъ и по выбору. Въ наше время, когда матеріальные интересы занимаютъ столь широкое мѣсто, всякій таможенный союзъ, облегчающій обмѣнъ, всякая уничтоженная преграда, умножающая взаимныя сношенія и увеличивающая благосостояніе всѣхъ и каждого—составляютъ шагъ впередъ къ политическому единству. Всякое географическое положеніе, съ перваго взгляда на карту указывающее на обширную страну какъ на одно естественное цѣлое, по-неволѣ порождаетъ идею о единомъ отечествѣ. Нужды нѣтъ, что Италія черезчуръ длинна: преграда Альпъ съ сѣвера, а со всѣхъ прочихъ сторонъ море, омывающее ея берега, показываютъ ее какъ одно нераздѣльное цѣлое. Нѣтъ сомнѣнія, что рано или поздно, въ силу одной географіи, возстановится и единство Иберскаго полуострова. Но изъ всѣхъ силъ, содѣйствующихъ сближенію людей, въ періоды сознательности и самоопредѣленія общества, самыя могущественныя суть раса и языкъ, въ осо-

бенности языкъ. Слѣдующее положеніе неоспоримо: нѣкоторый общій способъ мышленія и чувствованія, одинаковыя привязанности и отвращенія, согласіе относительно цѣли и употребленія жизни, инстинктивное унаслѣдованное сходство понятій, нравовъ, наклонностей—вотъ въ чемъ заключается дѣйствіе расы; все чтò противорѣчитъ ея преданіямъ и вкусамъ шокируетъ и оскорбляетъ, кажется то смѣшнымъ и презрѣннымъ, то отвратительнымъ. Вліяніе языка еще сильнѣе. Языкъ—орудіе всѣхъ сношеній между людьми; мало того, онъ—носитель всѣхъ идей, онъ для каждаго, если не самая мысль, то во всякомъ случаѣ форма, въ которой выливается и отчеканивается мысль. Не даромъ Фридрихъ Великій говорилъ, что у человѣка столько-же душъ, сколько онъ знаетъ языковъ. Человѣкъ легче сходится съ другимъ человѣкомъ, говорящимъ на одномъ съ нимъ языкѣ; между ними существуетъ и внутреннее сходство, вслѣдствіе котораго естественно устанавливаются чувства взаимной симпатіи.

Къ этимъ причинамъ, пробуждаю-

щимъ сознательныя національности, слѣдуетъ прибавить еще одну, именно войны. Онѣ не вызываютъ національнаго сознанія тамъ, гдѣ недостаетъ и зародыша его; но когда существуетъ этотъ зародышъ, войны придаютъ ему чрезвычайную силу. Раса, лишенная энергіи, можетъ быть хоть десять разъ покорена, освобождена и вновь завоевана, переходитъ отъ одного властелина къ другому, ничуть не страдая отъ этого и даже не смущаясь. Но народъ, въ которомъ пробудилось національное сознаніе, возмущается и стремится къ обладанію самимъ собою. Страшныя вторженія англичанъ въ XIV-мъ и XV-мъ вѣкахъ чрезвычайно много способствовали установленію единства національнаго духа Франціи. Тогдашнія тяжелыя испытанія породили самый чистый типъ патріотизма—Орлеанскую дѣву. Точно такъ же высшимъ подъемомъ патріотическаго духа Греція была обязана персидскимъ нашествіямъ. Не является-ли національное единство Германіи слѣдствіемъ войнъ съ Франціею? Самое понятіе о германскомъ отечествѣ не возникло-ли въ видѣ

протеста противъ чужеземнаго ига? Не Наполеонъ-ли заставилъ баварцевъ, саксонцевъ, ганноверцевъ, виртембергцевъ забыть, что они—баварцы, саксонцы, ганноверцы, виртембергцы, чтобы помнить только объ одномъ, именно, что всѣ они—нѣмцы? Общая душа сложилась подъ гнѣтомъ чужеземнаго завоевателя. Начатое Наполеономъ I довершено Наполеономъ III: идеальное національное единство превратилось въ реальный фактъ политическаго объединенія всей Германіи. Пруссія, которую никто не любилъ, стала популярною съ того дня, какъ въ ея рукахъ очутилось знамя, которое могло сдѣлаться нѣмецкимъ знаменемъ и вести къ побѣдѣ.

IV.

Указавъ, какъ образуются націи, приходится говорить и о томъ, какъ онѣ разлагаются. Идея національности имѣеть много враговъ: все то, что способствовало созиданію націи, можетъ впоследствии способствовать уничтоженію ея. Жизнь—непрерывный процессъ сложенія и разложенія; все, что имѣло начало, должно имѣть

и конецъ. Никакой организмъ, какъ-бы проченъ онъ ни былъ, не бываетъ вѣчнымъ. Націи подчиняются этому закону наравнѣ съ отдѣльными личностями. Вселенная управляется двумя великими силами: силою ассоціаціи и диссоціаціи, гармонія которыхъ для насъ непостижима. Пока условія, которыя сближаютъ жителей одной и той-же страны, имѣютъ перевѣсъ надъ условіями, ихъ раздѣляющими, взаимное согласіе крѣпнетъ и продолжается, нація растетъ и упрочивается. Когда-же разъединяющія данныя преобладаютъ надъ соединяющими, можно смѣло сказать, что въ организмъ запалъ зародышъ смерти.

Опасности, угрожающія національному существованію извнѣ, т. е. отъ столкновеній съ сосѣдями, отъ разныхъ дипломатическихъ комбинацій, словомъ, отъ внѣшнихъ враговъ—мы оставляемъ въ сторонѣ. Какъ-бы ни была сильна нація, ей приходится не только извнѣ, но еще болѣе *внутри*, непрерывно вести суровую борьбу за существованіе.

Главнѣйшая опасность, грозящая самому принципу, самимъ основамъ

національності, это—внутреннее раз-
ложеніе. Рѣчь идетъ не только объ от-
крытой междоусобицѣ, вооружающей
другъ противъ друга сыновъ одного
и того-же отечества, истощающей
ихъ силы и энергію въ братоубій-
ственной войнѣ, заставляющей враж-
дебныя партіи, для удовлетворенія
своихъ страстей, обращаться даже
къ помощи чужеземца, хотя-бы эта
помощь выразилась въ формѣ втор-
женія. Древняя Греція погибла отъ
междоусобицъ; Францію онѣ довели
до края гибели въ началѣ XV-го и
въ концѣ XVI-го вѣковъ... Но, поми-
мо этихъ острыхъ кризисовъ, доста-
точно иногда, чтобы погубить націю,
того нравственнаго состоянія, изъ
котораго можетъ возникнуть междо-
усобица. При этомъ состояніи имен-
но и происходитъ національное раз-
ложеніе, заключающееся въ исчезно-
веніи чувства общей солидарности,
въ расторженіи внутренняго един-
ства. Какая польза во внѣшнемъ,
кажущемся политическомъ единствѣ,
коль скоро исчезла нравственная
связь, коль скоро люди, говоря на
одномъ и томъ-же языкѣ, перестали
понимать другъ друга, коль скоро

отечественныя учрежденія столь-же ненавистны однимъ, сколь дороги другимъ, если, однимъ словомъ, все то что радуеть однихъ печалить другихъ? Человѣку дороже всего его идеи, а затѣмъ ужъ—его страсти. Конечно, не слѣдуетъ желать прекращенія всякой внутренней борьбы; партіи, даже пылкія партіи полезны: всякій прогрессъ заключается въ дѣйстви и противудѣйстви; но все-же, среди этой борьбы партій, во всѣхъ сердцахъ должна оставаться неприкосновенною общая привязанность, стоящая выше всякихъ споровъ—любовь къ родинѣ. Нужно чтобы, поссорившись, было-бы и изъ-за чего помириться. Для этого и существуетъ наслѣдіе общихъ воспоминаній, о которомъ такъ прекрасно говорилъ Ренанъ.

Еще другая опасность угрожаетъ національностямъ. Это—не побоимся назвать настоящимъ ея именемъ—идея человечества, т. е. *космополитизмъ*. Въ древнемъ мірѣ «врагъ» и «чужеземецъ» были однозначущіе термины. Греческая философія, возникшая въ эпоху, когда національное чувство уже утратило значитель-

ную долю своей живучести, съ своей стороны содѣйствовала еще бѣльшему ослабленію патріотизма. Затѣмъ христіанство, въ послѣдній періодъ древняго міра, расширивъ гуманистическую идею греческой философіи до ученія всеобщаго братства, оказалось самымъ сильнымъ разлагающимъ элементомъ по отношенію къ идеѣ отечества (конечно, въ томъ смыслѣ, какъ понялъ ее древній и въ особенности римскій міръ). Но достойно замѣчанія, что въ теченіе среднихъ вѣковъ и до новѣйшихъ временъ христіанство всегда являлось не разлагающимъ началомъ, а, напротивъ того, сильнѣйшимъ агентомъ созиданія національностей.... Въ новѣйшія времена идея человечества проявляется съ новою силою; она находитъ поддержку въ философіи, въ понятіи о всеобщемъ братствѣ, въ увеличеніи средствъ сообщенія, въ постоянно возрастающей легкости сношеній и обмѣновъ, въ широкомъ распространеніи нѣкоторыхъ языковъ.

Но самой могущественной союзницею космополитическаго направленія явилась наука, ея популяризація.

Человѣкъ какъ будто уже не французъ, англичанинъ, нѣмецъ, итальянецъ; онъ—просто человѣкъ, гражданинъ міра. Это направленіе есть отрицаніе самой идеи патріотизма: національность представляется дѣломъ мелочнымъ, узкимъ, пошлымъ, какимъ-то устарѣлымъ предразсудкомъ, остаткомъ варварства.

Таковъ новѣйшій софизмъ, самый роковой изъ всѣхъ, гораздо болѣе пагубный, нежели опровергнутый Ренаномъ софизмъ объ исключительныхъ притязаніяхъ языка и расы. Этотъ послѣдній софизмъ искажаетъ идею отечества, первый-же уничтожаетъ ее окончательно. Софизмъ этотъ тѣмъ болѣе опасенъ, что онъ способенъ соблазнить и благородные умы кажущейся возвышенностью своею и мнимымъ великодушіемъ. Космополитизмъ—одно изъ худшихъ заблужденій, когда-либо распространявшихся по свѣту. Нѣтъ, неправда, что человѣчество выиграетъ болѣе нежели потеряетъ, если изсякнетъ источникъ добродѣтелей, самоотреченія и жертвъ, называемый любовью къ родинѣ. Нѣтъ, неправда, будто какое-либо естественное чувство мо-

жетъ быть безнаказанно устранено, хотя-бы въ пользу другого чувства, повидимому, болѣе обширнаго и всеобъемлющаго. Человѣчество не должно причинять ущербъ отечеству, точно такъ-же, какъ отечество не должно вредить семейному началу. Первою жертвою исчезновенія національнаго чувства, если-бы это чувство могло быть заглушено окончательно, оказалось-бы само человѣчество, за интересы котораго ратуетъ космополитизмъ. Чтò составляетъ силу человѣчества, чтò обезпечиваетъ его прогрессъ,—это именно различіе націй, разнообразіе ихъ темпераментовъ, способностей, ихъ усилія, соперничество, даже ихъ столкновенія.

Нѣтъ, отечество не есть предразсудокъ, ненужная ветошь. Устранить національности не удастся, ибо политическая дѣятельность — одна изъ формъ жизни человѣческихъ обществъ, точно такъ-же, какъ дѣятельность торговая, промышленная, научная. Принадлежать извѣстной странѣ и любить ее, чувствовать себя членомъ общества согражданъ, управляться общими законами, свято сохранять извѣстныя воспоминанія, об-

разовать обширную семью среди чело-
вѣческаго рода, мирно пользоваться
общими благами, коллективнымъ
наслѣдствомъ, примкнуть къ одному
и тому-же знамени для защиты это-
го наслѣдства отъ всякихъ опасно-
стей—вотъ потребности челоѳческа-
го рода. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ
существуетъ, эти чувства не были
ему чужды: самая чистая и возвы-
шенная ихъ форма заключается въ
идеѣ національности. Попытаться от-
вратить людей отъ культа отечества
было-бы святотатствомъ.,.

А. Стадлинъ.

